

Подготовитель *И. А. Арманд*
Подписано в печать 6/IV 1953 г. Тираж 50 000 экз.
М-24488. Бумага 60×92¹/₁₆. Объем 33¹/₂ п. л. + 8
вклеек=1¹/₂ п. л. 16³/₄ бум. лист. 81,86 уч.-изд. листов.
Заказ № 372. Цена в переплете 9 р. 80 к.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького
Союзполиграфпрома Главиздата Министерства
Культуры СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

К.МАРКС
Ф.ЭНГЕЛЬС

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1953

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник вошла лишь небольшая часть богатейшего собрания писем Маркса и Энгельса, публикация которого заканчивается в настоящее время Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КП Советского Союза.

Собранные в архиве Института подлинники и фотокопии подлинников писем Маркса и Энгельса составляют девять томов первого издания Сочинений.

Публикуя сборник избранных писем Маркса и Энгельса, ИМЭЛ ставит себе задачей облегчить широкому кругу читателей изучение наиболее важных и наиболее интересных мест переписки.

Мысль об издании избранных писем Маркса и Энгельса принадлежит В. И. Ленину. Еще в 1913 г. в статье «Переписка Маркса с Энгельсом» он указал на необходимость «выпустить — для широкого распространения среди рабочих — извлечение важнейших в принципиальном отношении мест переписки, а когда в 1921 г. за подготовку такого сборника взялся В. В. Адоратский, Ленин проявил живейший интерес к его работе. «Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело», — писал он В. В. Адоратскому 10 апреля 1922 г.

Сборник писем Маркса и Энгельса под редакцией В. В. Адоратского вышел более двадцати лет тому назад, еще до создания ИМЭЛ и до выхода в свет русского издания Сочинений Маркса и Энгельса. Настоящий сборник является первым изданием избранных писем Маркса и Энгельса, подготовленным и выпускаемым под редакцией ИМЭЛ.

Переписка Маркса и Энгельса, охватывающая период с 40-х до середины 90-х годов XIX в., отражает все основные

этапы жизни и деятельности великих основоположников научного коммунизма. Она является весьма ценным источником не только для изучения биографий Маркса и Энгельса, но и для изучения теории марксизма и политики рабочего класса.

Ленин указывал, что центральным пунктом, фокусом всей переписки Маркса и Энгельса является диалектика. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли». (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 19, стр. 503.)

Значительное число писем, включенных в сборник, посвящено вопросам теории. Большой интерес представляет переписка Маркса и Энгельса о «Капитале», где раскрывается картина научной лаборатории Маркса, процесс создания этого гениального произведения. Маркс излагает в этих письмах последние результаты своих научных исследований, советуется с Энгельсом и обсуждает с ним отдельные проблемы. Не меньшее значение имеют письма, в которых освещаются вопросы диалектического и исторического материализма, а также письма по вопросам теории пролетарской революции.

В письмах ярко отражена роль Маркса и Энгельса как вождей международного пролетариата, практических руководителей его борьбы. На протяжении всей своей революционной деятельности Маркс и Энгельс уделяли огромное внимание вопросам стратегии и тактики и неустанно боролись за создание революционной партии рабочего класса — этого необходимого условия победы пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата.

Письма о Союзе коммунистов, о создании I Интернационала и борьбе в нем против прудонистов и бакунистов, письма, рисующие «бешеную», по выражению Ленина, войну против оппортунизма в германской социал-демократии и содержащие резкую критику сектантства социалистических партий в Америке и Англии, наконец, директивные письма партиям в различных странах — все это раскрывает яркую картину той упорной и последовательной борьбы за пролетарскую партию, которую вели Маркс и Энгельс.

Как в переписке между Марксом и Энгельсом, так и в их письмах к руководителям различных социалистических партий, уделено большое внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Поразительно тонкий и гибкий подход Маркса и Энгельса к разрешению отдельных такти-

ческих задач Ленин считал образцом применения диалектического метода. В своей статье «Карл Маркс» Ленин писал:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)». (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 58.)

На протяжении всей своей жизни Маркс и Энгельс выступают как непримиримые борцы против всякой реакции, за демократию и прогресс. Письма о гражданской войне в Америке, об Ирландии, а также письма о Германии, где дается уничтожающая характеристика пруссачества, его реакционной роли, показывают эту борьбу за демократию.

В сборник включен ряд писем к русским корреспондентам Маркса и Энгельса (Даниельсону, Лаврову, Засулич, Плеханову и другим) и много отдельных высказываний о России. Маркс и Энгельс знали русский язык, читали русские книги, изучали историю и экономику России, были связаны с русскими передовыми общественными деятелями и переписывались с ними. В письмах Маркса и Энгельса содержится анализ экономического развития России и перспектив русской революции, характеристика различных политических направлений в России и отдельных выдающихся русских деятелей, прежде всего Чернышевского. С величайшим вниманием основоположники марксизма следили за развитием русского революционного движения, считая, что грядущая русская революция окажет решающее влияние на дальнейший ход мировой истории, так как свержение царизма будет тем толчком, который развяжет социалистическую революцию на Западе.

* *
*

Руководящей нитью при отборе писем для сборника послужили высказывания о переписке Маркса и Энгельса, имеющиеся в трудах Ленина и Сталина, а также тетрадь Ленина с заметками и выписками из переписки Маркса с Энгельсом, которая хранится в архиве ИМЭЛ.

В сборник включено 244 письма, из них 74 целиком, а остальные в отрывках. Начало и конец отрывков всюду обозначены многоточием.

Расположение писем хронологическое.

Текст перевода писем заново проверен для настоящего издания по подлинникам или фотокопиям подлинников, хранящимся в архиве ИМЭЛ.

Письма снабжены краткими подстрочными примечаниями справочного характера.

В конце сборника помещены именной и предметный указатели.

Сборник подготовлен к печати И. А. Арманд с участием С. З. Левиной и Е. А. Волиной.

*ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА
при ЦК КП СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

1843—1895

1843 год

1

МАРКС — А. РУТЕ

На буксирном судне по дороге в Д., март 1843 г.

Я путешествую теперь по Голландии. Судя по здешним и французским газетам, Германия глубоко увязла в грязи и с каждым днем увязает все глубже. Поверьте мне, что и тот, кому совершенно незнакомо чувство национальной гордости, чувствует все же национальный стыд — даже в Голландии. Самый ничтожный голландец — все-таки гражданин в сравнении с величайшим немцем. А суждения иностранцев о прусском правительстве! В этом отношении царит ужасающее единодушие, никто не обманывается больше насчет прусской системы и ее несложной природы. Значит, кое-какую пользу новая школа все же принесла. Пышный плащ либерализма упал с плеч, и отвратительнейший деспотизм предстал во всей своей наготе перед глазами всего мира.

Это также откровение, хотя и отрицательное. Это — такая истина, которая, по крайней мере, обнажает перед нами пустоту нашего патриотизма, уродливость нашего государственного строя и заставляет нас закрывать со стыда лицо. Вы смотрите на меня с улыбкой и спрашиваете: что пользы в этом? Из чувства стыда революции не делают. — А я говорю: стыд — это уже своего рода революция; стыд — это, действительно, победа французской революции над германским патриотизмом, победившим ее в 1813 году. Стыд — это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь. И если бы целая нация действительно испытала чувство стыда, она была бы подобна льву, который весь сжимается, готовясь к прыжку. Правда, в Германии не чувствуют еще даже стыда; напротив, эти жалкие люди все еще патриоты. Но есть ли еще система, способная вытравить в них патриотизм в такой мере, как эта

смехотворная система новоявленного рыцаря¹? Комедия деспотизма, которая разыгрывается с нами, столь же опасна для него, как в свое время оказалась опасной трагедия для Стюартов и Бурбонов. И если бы даже еще долгое время не понимали, что в действительности представляет собой эта комедия, то все же она была бы уже в известном смысле революцией. Государство слишком серьезная вещь, чтобы его можно было превратить в какую-то арлекинаду. Судно, полное глупцов, можно было бы еще, пожалуй, предоставить на некоторое время воле ветра, но оно плыло бы навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого не подозревают. И эта судьба — предстоящая нам революция.

¹ — Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*

1844 год

2

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

19 ноября 1844 г.

...Юнг и многие другие не хотят понять, что между нами и Руге существуют принципиальные разногласия, и все еще думают, что это только личные дразги. Когда им говорят, что Руге вовсе не коммунист, то они этому не верят и думают, что мы поступаем опрометчиво, отталкивая от себя такой «литературный авторитет», как Руге! Что прикажешь с ними делать? Приходится ждать, пока Руге опять не разрешится какой-нибудь колоссальной глупостью, которую можно будет наглядно продемонстрировать этим людям. Мне кажется, что на Юнга надежда плоха: он недостаточно решителен.

Мы устраиваем теперь повсюду собрания, чтобы основать союзы для улучшения положения рабочего класса. Это вносит большое оживление в ряды германцев и привлекает внимание филистеров к социальным вопросам. Собрания собираются явочным порядком, без оповещения полиции. В Кельне комитет для выработки устава состоял наполовину из наших людей, в эльберфельдском комитете тоже сидел наш человек, и, с помощью рационалистов, мы на двух собраниях нанесли поражение святошам; огромным большинством голосов нам удалось выкинуть из уставов все христианское. Очень забавно было наблюдать, как опростоволосились рационалисты со своим теоретическим христианством и практическим атеизмом. В принципе они полностью признавали правоту христианской оппозиции, на практике же предлагали, чтобы христианство, которое, по их собственным словам, составляло основу союза, совершенно не было упомянуто в уставе. Устав должен был содержать все, что угодно, только не жизненный принцип союза! Они так упорно

отстаивали свою смехотворную позицию, что мое вмешательство оказалось совершенно ненужным. Мы получили такие уставы, лучше которых при настоящих условиях трудно желать. В ближайшее воскресенье опять назначено собрание, но я не смогу на нем быть, — завтра я уезжаю в Вест-фалию.

Я зарылся с головой в английские газеты и книги, по которым составляю свою книгу о положении английских рабочих¹. К середине или к концу января я надеюсь кончить ее, так как с наиболее трудной работой, с подбором материала, я уже справился около двух недель тому назад. Я составляю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу особое английское вступление к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что хотя я и бью по мешку, но имею в виду осла, т. е. немецкую буржуазию. Я достаточно ясно говорю ей, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в своем живодерстве. Как только я покончу с этой книгой, я возьмусь за историю общественного развития Англии. Это будет для меня еще легче, так как материал у меня уже собран и мысленно приведен в порядок — вопрос мне совершенно ясен. В промежутке, как только у меня будет время, я постараюсь написать еще несколько брошюр, в частности против Листа...

¹ Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III. Ред.

1845 год

3

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[20 января 1845 г.]

...Что меня особенно радует, так это внедрение коммунистической литературы в Германию, которое стало теперь свершившимся фактом. Всего только год, в сущности, как она возникла, как она начала завоевывать себе место в Париже, вне Германии, а теперь она уже села на шею немецкому Михелю. Газеты, еженедельники, ежемесячные и трехмесячные журналы и подтягивающиеся резервы тяжелой артиллерии — все как следует. Чертовски быстро шло это развитие! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды: всякий раз, когда я попадаю в Кельн или в один из здешних кабачков — новые успехи, новые прозелиты. Кельнское собрание произвело чудеса — мало-помалу обнаруживаются отдельные коммунистические группы, которые развились втихомолку, без нашего прямого содействия.

«Gemeinnütziges Wochenblatt», который прежде издавался вместе с «Рейнской Газетой», теперь также в наших руках; д'Эстер взял его в свои руки и постарается что-нибудь из него сделать. Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ, — они послужили бы точкой опоры для всех полужнаек, которые полны добрых намерений, но не умеют самостоятельно разрешать вопросы. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии¹, даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет. Все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо. Мои английские вещи, конечно, тоже

¹ Имеется в виду задуманная Марксом, но не законченная работа «Критика политики и политической экономии»; сохранившиеся части этой рукописи Маркса впервые полностью опубликованы ИМЭЛ в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, B. III, 1932. *Ред.*

произведут впечатление, — факты слишком красноречивы, — но я хотел бы иметь больше свободы действия и написать нечто такое, что нанесло бы сейчас более чувствительный удар немецкой буржуазии. Мы, немцы-теоретики, — это смешно, но это знамение времени, характеризующее разложение немецкой национальной мерзости, — никак не можем дать разработку нашей теории, мы все еще не опубликовали даже критики нелепости. Но теперь пора сделать это. Постарайся поэтому кончить *до* апреля. Делай, как я. Назначь себе срок, к которому ты обязательно *должен быть готов*, и позаботься, чтобы книга была скорее напечатана. Если ты не можешь сделать этого в Париже, то печатай в Маннгейме, Дармштадте или где-нибудь еще. Важно, чтобы книга появилась как можно скорей.

Меня немало удивило, что ты растянул «Критическую критику»¹ на двадцать листов. Это хорошо, по крайней мере появится многое из того, что иначе еще долго лежало бы в твоём письменном столе, но, если ты оставил на книге мое имя, то это произведет странное впечатление, — ведь я написал не более полутора листов. Как я уже сказал, я ничего не слышал ни о Левентале, ни о выходе книги, которую, конечно, жду с большим нетерпением. . .

... Я веду здесь жизнь, какую только может пожелать самый отъявленный филистер — тихую и спокойную, благочестивую и почтенную, сижу в комнате и работаю, почти нигде не бываю, стал солиден, как немец. Если так будет продолжаться, то я боюсь, как бы господь не простил мне мои писания и не пустил меня на небо. Уверю тебя, я тут, в Бармене, начинаю пользоваться хорошей репутацией. Но мне все это опротивело, и на Пасху я хочу уехать отсюда, вероятно, в Бонн. . . Торговля — гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности, гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, т. е. буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика, снова воочию показали мне и заставили меня сильнее почувствовать всю эту мерзость. Я, конечно, рассчитывал остаться в деле только пока мне это будет удобно, а там написать что-нибудь с полицейской точки зрения предосудительное, чтобы иметь благовидный предлог перебраться за границу. Но я не выдержу так долго. Если бы я не должен был ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни Англии, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно это давало новую пищу моему

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К^о». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III. *Ред.*

бешенству. Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и выючной скотиной торгашества, если *не заниматься литературной деятельностью*, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя. Довольно, на Пасху я уеду. К тому же еще эта усыпляющая жизнь в семье, насквозь христиански-прусской, — я не могу больше этого вынести, я бы мог здесь в конце концов сделаться немецким филистером и внести филистерство в коммунизм.

Не заставляй меня так же долго ждать твоего письма, как ты ждал моего. Привет твоей жене, хотя я с нею все еще не знаком, и всем, кто этого заслуживает.

Продолжай писать сюда; если я уеду, мне перешлют твои письма.

Твой Ф. Э.
